

«Самые лучшие картины делаются зачастую вопреки обстоятельствам»

— Нет-нет, что вы! Я не так наивен, чтобы работа в каком-то фильме или спектакле глубоко меня меняла. Есть моя собственная линия жизни, на которую работа может наложить какое-то впечатление, воспоминание — не больше. В общем, ничем особенным «Солярис» и меня в тот момент не выделялся. Просто одна из работ, которых в то время в театре и кино у меня было много. Хорошая работа.

— Советский кинематограф тех лет нередко отличался тем, что на очень скромные постановочные средства многие режиссеры умели создавать впечатляющие картины...

— Ну, я бы так не сказал. Скажем, когда итальянцы, чтобы не тратить своих средств на дорогостоящие съемки, вместе с СССР снимали «Красную палатку», они всей съемочной группой сели на советский ледоход «Обь» и отправились на Северный полюс. За те деньги, что мне тогда платили в месяц, на Западе я не прожил бы и дня, а здесь был достаточно благополучным человеком. А еще бесплатная квартира, бесплатная учеба... Сравнивать невозможно.

Сколько бы по-настоящему стоила аренда огромного ледокола на два месяца вместе со всей командой? Страшно представить! А нам его выделили бесплатно. Потому итальянцы и бросились делать этот совместный проект о полярной экспедиции. Сколько они платили своим актерам-звездам — Марио Адорфу, Шону Коннери, Питеру Финчу, Клаудии Кардинале, — я до сих пор не знаю. Нам же, советским, платили очень скромные зарплаты, как обычно. Мы, впрочем, не

жаловались. Такая жизнь — и все. К чему фантазировать, что за нормальный актерский гонорар я мог бы купить себе остров где-нибудь в Тихом океане? Да мне это просто не нужно.

— У вас нет потребности пересматривать свои прежние работы?

— Совершенно никакой! Сделано — и все. Это не знаю, кем надо быть... (смеется). Нет, не испытываю никакого любопытства. Если вдруг почему-то надо пересмотреть старый фильм, спокойно беру кассету и смотрю. Но это бывает очень редко и по конкретному поводу.

— Припоминаете самую неожиданную реакцию на «Солярис», которая вас поразила?

— Пожалуй, неожиданным было то, что фильм поначалу вообще не приняли. Хотя я догадывался, что его мало кто поймет. И однажды получил письмо от какой-то женщины из российской провинции, кажется, это был Калинин или Луга. В письме было откровенно и категорично написано: «Донатас Юозович, мы вас очень любим и очень уважаем. Вы — прекрасный актер! Но от имени всех зрителей — подчеркиваю: ОТ ВСЕХ! — просим в такой халтуре, как «Солярис», больше не сниматься!» Вот это я, конечно, запомнил, потому что долго смеялся.

— Продолжились ли как-то ваши отношения с Андреем Тарковским после съемок?

— В сущности, нет. Он эмигрировал, уехал на Запад. Не раз бывая за рубежом, я хотел его найти. Какое-то время Андрей жил в Италии. Однажды в Риме я обратился в советское посольство с просьбой дать его адрес. Там

ответили, что всякую связь с этим посольством Тарковский прекратил и вообще не принимает никого из Советского Союза. Ну раз так — я развел руками... А потом в аэропорту случайно встретил одного из наших с Андреем общих знакомых, итальянца, который знал, как его найти, и уверял, что меня-то Тарковский, разумеется, примет с удовольствием. Но было уже поздно — объявили посадку на мой самолет. Так мы больше и не встретились. До его отъезда из России у нас с Андреем, помимо работы, случайные встречи были, но большой дружбы из этого не получилось.

— Однако вместе с Тарковским вы бывали у Феллини?

— Да, это было после показа «Соляриса» в Италии. В тот раз мы были еще в Неаполе, на Капри, затем в Риме нам организовали встречу с Федерико Феллини. Не помню, чтобы он говорил Андрею какие-то комплименты, чтобы вообще как-то оценивал его работу. Зато помню, как Тарковский пожаловался итальянскому мэтру, что ему не дают снимать то, что он хочет. На что Феллини моментально парировал: «А ты думаешь, мне дают делать то, что я хочу? Вот уж дудки! «Амаркорд» я снял только потому, что до этого сделал...» — и назвал какой-то слабенький фильм — «Дон Жуан» или какой-то другой из этих, слегка исторических. «Так вот, — горячо продолжил Феллини, — когда я это сделал, мне дали денег на «Амаркорд» — мой самый лучший фильм. Так что не думай, Андрей, что все так просто».

— Чем еще запомнилась та встреча?

— Да как будто ничего особенного... Мы вместе обеда-

ли в ресторане, и как-то я почувствовал, что для меня в то время Феллини был — Бог, а для Андрея — просто коллега. Андрей всегда был личностью такого масштаба, что никому не показывал — или ему не хотелось в этом публично признаться? — что кто-то может быть для него кумиром. Ни на фестивалях, ни на каких-либо важных приемах он никогда не интересовался тем, что кто-то

Удовольствие для меня — это хорошо поест, вкусно выпить. В кино удовольствия нет. Работа. Служба.

может быть выше, а кто-то — ниже него. Он всегда со всеми был на равных — и со мной, и с Феллини.

— Легко ли было быть с ним на равных?

— Нет, он никогда не был «своим парнем». Всегда — отдельной личностью. Хорошим человеком и в то же время личностью, которая вела себя совершенно особено, не считаясь ни с какими обстоятельствами. Он всегда и во всем поступал так, как ему надо. В принципе он был демократом, но помню, как однажды неожиданно — ни с того ни с сего — накричал на официанта буквально как барин на своего крепостного. Я это видел и очень удивился: «Ну и странные поступки у тебя, Андрей!» А вообще-то мы много часов провели вместе и рюмку не одну выпили, все было...

— Несколько слов о том, чем вы заняты сейчас, уважаемый Донатас.

— Сейчас вот даю интервью. Час назад сидел в кресле председателя русско-литовского благотворительного Фонда имени Балтрушайтиса — было очередное заседание нашего правления. В последние месяцы по заказу одного московского издательства пишу книгу мемуаров. Но работа идет трудно, я разочарован и очень жалею, что на это согласился, но отступать уже поздно... Есть несколько предложений на киносъемки, но об этом говорить рано.

Из того, что уже делается реально, назову «Теплые ветры древних болгар» — исторический фильм Булата Мансурова, где я играю в паре с Элиной Быстрицкой. Она играет княгиню, я — ее советника. Х век, глубокая история. Это будут три большие самостоятельные картины, связанные единым сюжетом — становление Руси. Мы снимали фильм во многих местах: в Киргизии у озера

Иссык-Куль, в Казани, студийные съемки — в Москве. Картина еще пока в работе.

Сняты пять серий телевизионного фильма по Рексу Скауту, где я играю частного детектива Ниро Вульфа. Дело происходит в Америке в 30-х годах прошлого века. Две серии уже показали по российскому телевидению. Фильм так и называется — «Ниро Вульф и Арчи Гудвин». Мой главный партнер — Сергей Жигунов. Режиссер картины — Евгений Тартарский.

— А какая работа ждет вас в театре?

— Я ушел из театра... Да, ушел, когда меня «обработали» (как, впрочем, и всех литовских пенсионеров) жестоким выбором: либо ты получаешь пенсию, либо увольняешься с работы. И я ушел. Пенсия мне нужна все-таки, а работать в театре я продолжаю только по договору. В Национальном театре Литвы сейчас идет наш с Регимантасом Адомайтисом спектакль-дуэт «Возможная встреча» (вариация на тему творческого спора между Бахом и Генделем; кстати, пьесу перевел с немецкого сам Донатас Банионис. — Прим. авт.). Недавно были с этим спектаклем в Тюмени, Москве, Петербурге, собираемся в Киев, Армению. Играем по-литовски с синхронным переводом на русский, как принято на всех международных театральных фестивалях — том же «Балтийском доме» в Петербурге, где я неоднократно бывал членом жюри.

— Понятно, Москва, Петербург — избалованные в театральном смысле города. А как вас принимали, например, в Тюмени?

— Прекрасно! Полные залы, аншлаги. Оно и понятно: написано ведь на афише крупно, что Адомайтис играет! Литовских актеров везде в России очень любят и по сей день.

Только из-за Тарковского Банионис снялся в «Солярисе»